

Рудольф Артемьевский

Завтра наступит не для нас

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
А86

Артемьевский Р. А.

Завтра наступит не для нас / Артемьевский Р. А. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 46 с.

ISBN 978-5-532-93361-3

Путешествие по Преисподней даёт возможность задуматься о многих вещах. О тех, которые раньше казались незначительными... В Аду всё и всегда встаёт на свои места...

ISBN 978-5-532-93361-3

© Артемьевский Р. А., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

– Куда мы едем?

Мужчина посмотрел в окно и негромким голосом сказал:

– Мороз рисует узоры на стёклах, оставляет нам послания. У этой дороги нет ни конца, ни начала.

– Что, прости?

– Мы все здесь прокляты. Я. Ты. И даже она.

Он кивком головы указал на сидящую напротив пожилую даму, глаза которой уже давно остекленели...

* * *

Сегодня пошёл ледяной дождь. Он заморозил всё вокруг. Люди, животные, цветы и деревья стояли неподвижно, словно чудовищные творения неизвестного скульптора. Даже реки превратились в твёрдые полотна грязного серого цвета. Было очень холодно. Мороз безжалостно хлестал по лицу мокрыми прутьями, а ветер где-то в глубине бетонных плит издавал унылый вой, который запросто мог сойти за плач грустного привидения. Неподалёку стоял одинокий трамвай, сошедший с рельсов; на табло тусклым оранжевым пламенем горела цифра тринадцать. Лобовое стекло было целиком и полностью исцарапано детскими карикатурными рисунками и какими-то письменами. Строки шли вразнобой, поэтому неудивительно, что изначально они показались мне каким-то бессмысленным бредом. Но, присмотревшись повнимательнее, я понял, что это стихотворение:

*И снова живые завидуют мёртвым,
Но я похоронен, хотя и живой.
Бросили в яму, где сыро и твёрдо,
И забросали холодной землёй.*

*Я очень хочу закричать: «ПОМОГИТЕ!»
Но черви во рту всё ползут и ползут.
Прошу вас, живых больше не хороните!
Они и без вас непременно умрут...*

Вот так, самое обычное стихотворение, хоть и несколько пугающее. Даже не пришлось гадать о том, кто бы мог его написать. Рядом с трамваем я увидел девочку. Она лежала внутри саркофага, покрытого толстым слоем льда. Хорошенькая малышка на вид лет двенадцати – светлые волосы и лицо в веснушках; глаза небесного цвета, наполненные ужасом, застыли как каменные. Девочка была мертва, как, впрочем, и всё вокруг.

Что же здесь произошло?! Казалось, будто жизнь навсегда покинула этот мир. Неужели мы настолько сильно прогневили Бога, что он в очередной раз решил избавиться от нас?! Потопы, землетрясения, пожары, войны, мор и голод – все дороги сходятся в одну, и имя ей – Погибель. Что там я ещё забыл? Появление лжепророков? Всё это из одной оперы.

Но, может, дело вовсе не в гневе Всевышнего, а в банальной природной катастрофе?! Хотя какой катаклизм мог сотворить подобные вещи? Не знаю, но в одном я уверен точно: этот мир уже никогда не будет прежним...

Вдали на горизонте возвышался зиккурат – чёрная пирамида гигантских размеров, над которой то и дело сверкали фиолетовые разряды. Данное сооружение впечатляло и производило какое-то гипнотическое воздействие. Казалось, что этот небоскрёб парит в воздухе, бросая на землю мрачную тень. Я слышал шёпот, который доносился из самых потаённых глубин, незримых человеческому глазу. Вкрадчивый и ласкающий слух, он заволакивал сознание сладким облаком тумана, звал за собой, опьянял, предлагал забыться и уйти от реальности. Мне стоило невероятных усилий оторвать взгляд от пирамиды и двинуться дальше по безымянной улице этого мёртвого города вдоль виселиц, на которых лениво раскачивались полуразложившиеся тела (некоторые из них ещё не до конца расклевали вороны). Кого-то из повешенных я знал, кого-то видел впервые. Но ни те, ни другие уже никогда не смогут сделать вдоха. Никто из них больше не почувствует на губах сладкого вкуса жизни; и всё, что им теперь остаётся, – это быть источником пищи для падальщиков. А, может, оно и к лучшему? Какой смысл задерживаться в мире, в котором приходится выживать?

Под ногами шуршали пожелтевшие листовки с портретами пропавших без вести. Бумага была настолько древней, что рассыпалась от малейшего прикосновения. Интересно, а нашли ли хоть кого-нибудь из этих людей? Не думаю, что поисково-спасательные группы по сей день досконально прочёсывают окрестности. После того, что здесь произошло, вряд ли исчезновение очередного человека способно всколыхнуть общественность и пробудить желание действовать. Я остановился и поднял с земли выпцветшую фотографию мужчины с выколотыми глазами. Его лицо было безобразно разрисовано синей пастой. Зубы, обнажённые в широкой улыбке, через один были глумливо покрашены неровными штрихами, а верхнюю губу уродовали пририсованные усы Адольфа Гитлера. Имя прочесть невозможно – его безжалостно размыло водой, остались лишь тёмные потускневшие разводы. Вот и всё. Всё, чего он достоин. Грустно...

Кстати, не все оказались мертвы, как я думал сначала. Те, кто остался в живых, рвали на части трупы, которых было не просто много, казалось, им нет числа. Зелёные мухи весело жужжали над гниющими телами, создавая какофонию, а засохшие пятна крови на стенах покинутых зданий и каменные изваяния ужасных свиноподобных существ с акульими клыками дополняли эту чудовищную картину. Больше всего мне запомнилась статуя, изображающая толстого борова, восседающего на троне. В одной руке он держал скипетр, а второй срывал платье с беременной женщины. Свин паскудно улыбался, демонстрируя будущей матери свои страшные зубы. Казалось, его искренне забавляло приносить страдания своей жертве. Мерзко. И в то же время восхитительно! Скульптура была выполнена так скрупулёзно и реалистично, что я смог разглядеть слезинки в испуганных женских глазах.

Кто-то закричал. Я вздрогнул, от пронзительного вопля у меня едва не заложило уши. Это был какой-то парень, за которым тянулся длинный смазанный след. Несчастный лежал на асфальте совершенно голый и пытался ползти вперёд, цепляясь за выступы тем, что осталось от его руки, а рядом на четвереньках сгрудились выжившие, зубами поочерёдно отрывая от бедолаги один кусок за другим.

Каждый новый укус сопровождался громким криком несчастного, но, несмотря на боль, он всё равно медленно и упорно двигался дальше, из последних сил цепляясь за жизнь. Стоит ли говорить о том, что ему уже не спастись? Пожилая женщина с редкими седыми волосами и полным отсутствием какой-либо одежды, подобно изголодавшемуся хищнику, впилась зубами в его бедро и оторвала здоровенный шмат мяса. Затем, пережевав, громко сглотнула и подняла голову. Я увидел два чёрных отверстия вместо глаз, которые уставились на меня, не моргая. Век у неё не было. Безобразное лицо с провалившимся носом казалось неестественно плоским – нечто из самых страшных кошмаров. С губ женщины тягуче ползли слюни и кровь. От увиденного меня начало тошнить и запросто могло бы вырвать, если бы было чем.

– Урррр, – она слегка наклонила голову набок.

– Даже не думай, – сквозь зубы процедил я, и моя ладонь мягко легла на рукоять кинжала, который я вырвал пару дней назад из онемевших пальцев павшего воина. Нет, я не мародёр, просто здесь, в этом богом забытом месте, мёртвым оружие уже ни к чему, а вот живым...

Она не поняла меня. Её мозги давно иссохли, и теперь ею руководили лишь животные инстинкты вроде голода и потребности размножаться. Женщина сделала вперёд пару шагов и напряглась, готовясь к прыжку. Всё её тело было костлявым и сухим. Обвисшая грудь пожелтела и напоминала сморщенную губку, под кожей виднелись жёсткие очертания рёбер.

– Предупреждаю в последний раз!

Женщина прыгнула вперёд, издав крик дикой пумы. Она и не думала отступать, это было ясно с самого начала. Я вскинул руку, и серебристое лезвие по рукоять утонуло в горле этой проклятой твари. Её длинные пальцы замерли, так и не сумев дотянуться до моего лица кривыми огрызками ногтей.

– Уррррр! Уррррр! – загомонили остальные и бросились врассыпную, прячась в руинах полуразрушенных домов. Никогда не видел, чтобы человек мог перемещаться на четвереньках с такой нехарактерной для него скоростью.

Я вытащил кинжал из глотки обезумевшей старухи и протёр лезвие от крови. Она была смоляного цвета, не похожая на человеческую: какая-то клейкая чёрная жижа, которая ко всему ещё и до жути воняла протухшей рыбой. Затем я подошёл к парню, глаза которого уже успели остекленеть и присел рядом с ним на корточки. Молодой, совсем юный, наверняка только-только окончил школу. В его лице было что-то очень знакомое, но, как я ни пытался, так и не смог вспомнить...

Надо бы похоронить несчастного, нельзя оставлять его так. Я закрыл ему веки и вновь взялся за рукоять кинжала. Вырыл яму. Земля была дубовая, а кинжал – это далеко не лопата, так что под конец мои ладони покрылись кровавыми мозолями. Но дело было сделано, через пару часов я бережно укладывал тело в могилу.

– Господь Всевышний, – я встал на колени и молитвенно сложил руки, – прошу, сохрани его душу! Если он был праведником при жизни, то вознагради, как подобает, если нет – отпусти грехи...

Я пошёл дальше мимо могильных курганов и багровых алтарей, мимо обелисков из обсидиана и крестов, на которых были распяты дети. Вокруг радостно шныряли гиены, и их смех пробегал по телу ледяной дрожью. Снег постоянно хрустел под ногами, а подошвы ботинок оставляли на нём красные следы, как будто я шёл по мокрой глине. Метель не прекращалась ни на мгновение, и белые пушистые хлопья кружились в каком-то дьявольском вальсе, то замедляя, то ускоряя темп. Если долго прислушиваться, то запросто может показаться, что где-то рядом играет целый оркестр, а снежинки – это бледные лица друзей, выписывающих грациозные реверансы. Они улыбались и кланялись, протягивали ко мне руки, приглашая присоединиться к веселью, от которого пахло соблазном и смертью. Женщины сбрасывали наряды и изгибались в самых непристойных позах, демонстрируя мужчинам свои прелести. Те, в свою очередь, совершенно не стеснясь присутствующих, хватали партнёров и предавались похоти у всех на виду. Дикая музыка гремела всё громче, и слова чудовищной песни звенели над округой:

*Здесь не было скорби, не будет печали,
Смелее, мой друг, ты всё же в гостях!*

*Забудь обо всём, что было вначале,
Мы пляски устроим на голых костях.*

*Ты слышал, часы грохотали двенадцать?
Здесь кровь и вино будут литься рекой.
Давай же сольёмся в безудержном танце,
А утром отправимся все на покой.*

Официанты в чёрных фраках с длинными фалдами подносили закуски, не давая столам опустеть. Поэтому присутствующие, проголодавшиеся после любовных утех и безумных танцев, могли в любой момент вдоволь набить свои желудки и продолжить загул. Безучастных не было – веселились все. Я не видел ни одного человека, который тихонько отсиживался в уголке. Никто на этом празднике не чувствовал себя покинутым. Здесь в принципе не могли знать, что означает слово «одиночество». Не знаю, кто был хозяином бала, но он отлично позаботился о своих гостях. Только я был без пары и компании, может быть, именно поэтому до сих пор не присоединился к остальным.

– А вы почему не танцуете? – словно прочитав мои мысли, спросила подошедшая ко мне женщина в длинном бархатном платье. – Неужели вам здесь так плохо?

– Я не умею, – смущённо выдавил я.

– Но это же несложно, – улыбнулась она.

– Как сказать, – мне захотелось улыбнуться ей в ответ, – для человека, который никогда такого не делал, – это тяжело.

То, что эта женщина не просто гостя, я понял сразу же. Во-первых, её голову венчала золотая корона с жемчугами; густые волосы были аккуратно убраны назад и скреплены заколкой. Во-вторых, она была очень красива. Ни одна из присутствующих дам не была и вполтину так же прекрасна, как она. Её нежная кожа цвета утренней зари излучала едва заметное сияние. Дивная грудь чуть вздымалась от каждого вдоха и вызывала непреодолимое желание поскорее сорвать с неё одежду, чтобы припасть к ней губами. Глаза смелые, решительные и в то же время невероятно большие и глубокие, наполненные таким теплом и лаской, которые присущи лишь

любящей матери. Лебединую шею, подчёркивая её изящество, украшал элегантный чокер, а нежные руки с длинными пальцами, унизанными перстнями, казалось, никогда не знали тяжёлой работы. Только ненормальный счёл бы эту женщину непривлекательной и не захотел бы возлечь с ней. Но что-то мне подсказывало, что за всей этой красотой Венеры скрывается самая чёрная душа.

Прекрасная незнакомка одним лёгким движением сдёрнула заколку, и шелковистые волосы, переливаясь на свету ярким перламутром, сами распустились по плечам. Она протянула руку, и я, не колеблясь ни секунды, взял её ладонь. Мы направились в центр залы. Присутствующие почтительно расступались, провожая нас восторженными взглядами. Оркестр умолк, и стало слышно, как окружающие перешёптываются. Слов невозможно было разобрать, но я и так отлично знал, что они обсуждают нас. Мне безумно льстило быть объектом всеобщего внимания, находясь рядом с ней.

«Завидуйте, — я нахально подмигнул толпе удивлённых мужчин, распивавших вино из хрустальных кубков, — она могла выбрать любого из вас, но отдала предпочтение мне».

Остановившись в центре залы, женщина встала напротив меня и подарила прямой взгляд.

«Эти глаза, — подумал я, — такие большие и так невероятно близко».

— Они могут стать ещё ближе, — чарующе улыбнулась прекрасная обольстительница, — если ты сам того захочешь.

— А у меня есть выбор?

— Он всегда есть.

— Боюсь, что уже слишком поздно. Я обеими ногами угодил в этот капкан и теперь сам не хочу отсюда уходить.

Я обнял её за талию, и она прильнула ко мне. Слова были не нужны, всё было понятно и без них. От женщины пахло морозом, но, несмотря на это, я почувствовал сильный жар, охвативший всё тело. Сердце в порыве нахлынувших эмоций забилось очень сильно; оно призывало меня действовать. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук. Как же громко оно стучит! Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук...

Снова грянул оркестр, и пары закружились в танце. Я тоже кружился вместе с ней, полностью растворяясь в этом жестоком вальсе и становясь таким же призраком, как и остальные. Вокруг мелькали лица; они проносились мимо меня с бешеной скоростью, не давая ни малейшей возможности их рассмотреть. Дикая музыка усиливалась, нагнетая тревогу, и распахнутые ставни окон постукивали ей в такт, всё быстрее раскручивая машину кошмарного зла. Но мне было хорошо... Слишком хорошо... Люди превращались в тени и один за другим исчезали из виду, уходя в неизвестность, так что вскоре остались только я и она. Лишь мы двое, словно король и королева, на этом проклятом балу.

Я не сразу заметил, как мои ноги начали твердеть, теряя подвижность. Я замерзал.

– Т-т-ты н-н-не б-б-б-брос-с-с-сишь м-ме-меня? – мои зубы дрожали.

– Глупый, – улыбнулась прекрасная незнакомка и коснулась пальцами моей щеки. Щеку обожгло нечеловеческим холодом, – конечно же, не брошу! Ты только танцуй! А потом я подарю тебе поистине королевскую ночь! – и она прильнула к моим губам.

Поцелуй этой женщины не только не согрел меня, но и вовсе сковал ледяными оковами всё моё тело. И в глазах поселился туман, а всё вокруг стало бледным. Прекрасный, восхитительный мир, такой холодный и безжизненный. Где-то далеко играет похоронный марш, а моя королева что-то сладострастно шепчет мне на ухо.

Холодно. Здесь слишком холодно...

Неожиданно громкую симфонию разрезало звучное шипение – низкое, протяжное и зловещее. Я вздрогнул и будто очнулся ото сна. Вокруг всё задрожало и снова начало приобретать очертания реальности. Собрав последние остатки сил, я оттолкнул от себя партнёршу, и она пронзительно завизжала; от этого звука из окон брызнули стёкла. Музыка умолкла, как будто её и не было вовсе. Видения тоже пропали, превратившись снова в белый падающий снег. Весе-лье закончилось. Не стало ни оркестра, ни гостей, ни столов, ни просторной залы, освещённой яркими свечами, – всё растворилось. Дьявольский бал завершился столь же внезапно, как и начался, оста-